

На пути въ святую землю.

По наблюденіямъ и замѣткамъ епископа Порфирія Успенскаго.

I.

Нѣсколько словъ о жизни и трудахъ епископа Порфирія.

Епископъ Порфирій Успенскій, воспоминанію о которомъ намъ хотѣлось бы посвятить теперь нѣсколько задушевно-признательныхъ словъ, принадлежитъ, несомнѣнно, къ небольшому числу лицъ, сравнительно очень скоро и очень счастливо опредѣлившихъ въ себѣ свое истинное призваніе. Правда, первая одиннадцать лѣтъ своей практической жизни и дѣятельности онъ посвятилъ главнымъ образомъ спеціально педагогическимъ занятіямъ въ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ учрежденіяхъ, чему отдають обыкновенно свои дарованія и свои молодые силы всѣ почти лица, оканчивающія курсъ въ нашихъ высшихъ духовныхъ училищахъ. Но уже и въ эти первые годы своей дѣятельности іеромонахъ Порфирій вносилъ во всѣ свои занятія съ учащимися, въ свои лекціи и уроки всегда столько ободряющее всѣхъ оживленіе и глубокую научную серьезность. Объ этомъ очень опредѣленно говоритъ намъ уже одинъ внѣшній успѣхъ его учебно-педагогической службы, его непрерывное почти восхожденіе со ступени на ступень по такому трудному и не всегда удобному пути, какъ школьно-служебный.

Въ это же время, по общему удѣлу всѣхъ людей, по преимуществу призванныхъ къ чему-либо выдающемуся, онъ, наряду съ своими прямыми обязанностями по учебной службѣ,

съ необыкновенной добросовѣстностію исполнялъ и тѣ многочисленные и иногда очень сложныя порученія, какія дополнительно и всегда такъ охотно возлагались на него разными вѣдомствами и учрежденіями, какъ на выдающагося дѣятеля, способнаго отнестись къ [каждому поручаемому ему дѣлу съ полнымъ его пониманіемъ. Все это требовало отъ іеромонаха Порфирія большого труда и очень серьезнаго умственнаго напряженія. Но и среди этихъ сложныхъ занятій, чувствуя въ себѣ какъ бы избытокъ умственныхъ дарованій и силъ и неудержимо увлекаемый своимъ призваніемъ къ широкимъ научнымъ обслѣдованіямъ и къ жизни еще болѣе разнообразной и подвижной, онъ уже и во время своей спеціально педагогической службы, проведенной имъ почти исключительно въ Одессѣ, успѣлъ совершить, по собственной инициативѣ, довольно продолжительную поѣздку по побережью нашего историческаго и въ археологическомъ отношеніи очень интереснаго Крыма для возможно внимательнаго и всесторонняго изученія того, что составляло живой предметъ его любознательности.

Такія выдающіяся умственныя способности Порфирія Успенскаго, находившагося тогда уже въ санѣ архимандрита, его впечатлительный, живой и отзывчивый на все умъ, его широкое умѣнье обращаться съ людьми и легко вводить ихъ въ глубокой интересъ своихъ изысканій были совершенно правильно взвѣшены и оцѣнены въ подлежащихъ центральныхъ учрежденіяхъ, благодаря чему онъ, имѣя отъ роду всего лишь 37 лѣтъ, совершенно неожиданно призванъ былъ къ новому болѣе почетному служенію, къ занятію мѣста настоятеля Вѣнской посольской церкви. Этотъ новый служебный постъ и жизнь въ большой европейской столицѣ доставили архимандриту Порфирию, повидимому, полное во всемъ удовлетвореніе. Онъ какъ бы осязательно уже приближался теперь къ переходу на то новое поле научной и общественной дѣятельности, на которомъ суждено было уже окончательно опредѣлиться общему характеру его дѣятельности и всей дальнѣйшей судьбѣ его.

Въ Вѣнѣ при церкви русскаго Императорскаго посольства архимандритъ Порфирій прослужилъ всего только годъ и шесть мѣсяцевъ, съ января 1841 года по іюль 1842 г. Естественно, что за это время онъ долженъ былъ затратить очень много энергіи [и тяжелаго умственнаго труда на возможно полное ознакомленіе съ своимъ новымъ служебнымъ положеніемъ и на исполненіе тѣхъ сложныхъ обязанностей, какія возлагались на него теперь его отвѣтственнымъ служеніемъ среди другихъ уже

условіи жизни и въ совершенно новомъ для него вѣдомствѣ. Но все это нисколько не ослабляло его крупныхъ душевныхъ силъ и ничѣмъ не отражалось на его склонностяхъ. По-прежнему онъ очень легко справлялся съ своими прямыми по службѣ обязанностями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, находилъ и время, и возможность свободно отдаваться тѣмъ болѣе высокимъ порывамъ души, которые влекли его къ созерцанію величественныхъ явленій природы и къ изученію памятниковъ сѣдой старины, какому бы вѣку и какой бы странѣ они ни принадлежали. Движимый живымъ и необыкновенно чуткимъ импульсомъ къ постиженію всего высокаго и прекраснаго, а также и всего, представляющаго тотъ или другой научный интересъ, архимандритъ Порфирій Успенскій, несмотря на крайнюю непродолжительность своей службы въ Вѣнѣ, успѣлъ предпринять въ это время очень продолжительную поѣздку по побережью славянской Далмаціи, для непосредственнаго ознакомленія съ нравственно-религіознымъ и экономическимъ положеніемъ мѣстныхъ православныхъ славянъ, для изученія находящихся здѣсь памятниковъ глубокой церковно-исторической старины и для созерцанія красотъ горной природы, необыкновенно дивныхъ въ этой мѣстности и величественныхъ. Особенно поразила архимандрита Порфирія во время этой поѣздки величественная красота чудныхъ заливовъ, проливовъ и береговыхъ горъ живописной Далмаціи и привела его въ настроеніе полного восторга и умиленія. И все это лучше всего отразилось на оставленномъ имъ въ „Книгѣ его бытія“ живописномъ описаніи этого прекраснаго края. Необыкновенно яркое и эффектное, сотканное какъ бы изъ линій, красокъ и цвѣтовъ самой природы, оно навсегда уже сохранится, какъ живой памятникъ необыкновенно возвышенныхъ настроеній и чувствъ, на благоговѣйное переживаніе которыхъ всегда такъ отзывчивъ былъ этотъ неутомимый наблюдатель.

Но пока архимандритъ Порфирій оставался еще подъ живымъ обаяніемъ этихъ дивныхъ красотъ природы и углублялся въ научное обследованіе и изученіе того, что составляло главный предметъ его поѣздки, для него подготовлялось уже новое по службѣ назначеніе и еще болѣе интересная поѣздка на освященный христіанскими воспоминаніями Востокъ, куда давно уже влекли архимандрита Порфирія самыя возвышенныя религіозныя чувства и настроенности. Теперь онъ призывался уже къ выполненію еще болѣе важной и отвѣтственной миссіи, къ изученію дѣйствительнаго положенія православія на Востокѣ,

въ этой многоязычной и разновѣрной странѣ, и къ возможно широкому обслѣдованію тѣхъ христіанскихъ достопримѣчательностей, какими такъ богатъ Востокъ и какія въ значительной своей части и теперь еще остаются недостаточно обслѣдованными, а иногда даже и совсѣмъ не приведенными еще въ извѣстность. За полученіемъ этого новаго назначенія и тѣхъ спеціальныхъ инструкцій, какія предстояло ему выполнить на этомъ пути, архимандритъ Порфирій вызванъ былъ изъ Вѣны въ Петербургъ, куда, не теряя ни одного лишняго дня, онъ и поспѣшилъ отправиться. Повидимому, онъ живо чувствовалъ то, что завѣтная цѣль его призванія теперь какъ бы сама уже идетъ къ нему навстрѣчу, и что наступившій моментъ предопредѣляетъ уже собой всю послѣдующую его жизнь и дѣятельность.

И дѣйствительно, все то, что произошло потомъ въ служебной жизни и ученой дѣятельности архимандрита Порфирія, вполне совпало съ тѣми ожиданіями и надеждами, какія пережиты были имъ именно теперь, при полученіи перваго увѣдомленія о призваніи его на новую чреду служенія церкви и наукъ. Отдаленный Востокъ дѣлается теперь для архимандрита Порфирія какъ бы его второй родиной, которой онъ беззавѣтно уже отдаетъ всѣ лучшія свои силы, чувства и настроенности. Для этого вполне благопріятно складываются и всѣ внѣшнія обстоятельства его трудовой жизни. Въ періодъ времени съ 23 мая 1843 по 23 іюня 1846 года ему прежде всего предоставляется совершить продолжительную и очень богатую научными обслѣдованіями поѣздку по Сиріи, Святой Землѣ и Египту для подробнаго и всесторонняго ознакомленія съ нравственно-религіознымъ и экономическимъ положеніемъ православныхъ христіанъ на Востокѣ. Въ это же время онъ успѣваетъ широко познакомиться и съ неистощимыми научными сокровищами афонскихъ и синайскихъ монастырей, представляющими необыкновенно живой интересъ для всякаго ученаго изслѣдователя. Затѣмъ въ октябрѣ 1847 года ему удается во второй уже разъ отправиться на Востокъ и теперь уже въ почетномъ званіи начальника первой Іерусалимской миссіи, принятой имъ на себя, разумѣется, очень охотно. При исполненіи этихъ новыхъ обязанностей онъ оставался, съ большой пользой для церкви и науки, до 3 мая 1854 года, до нашего дипломатическаго разрыва съ Портой предъ Крымской войной. Но и возвратившись теперь къ себѣ на родину, онъ ни на минуту не прерывалъ своихъ научныхъ трудовъ и изслѣдова-

ній. Въ глубинѣ своего ученаго удивенія, онъ какъ бы продолжалъ еще жить на Востокѣ, среди вывезенныхъ имъ оттуда научныхъ сокровищъ, а также и тѣхъ всегда живыхъ воспоминаній, какія сохранились въ немъ объ этой своеобразной странѣ, представляющей въ составѣ своего населенія необыкновенно причудливую смѣсь этнографическихъ племенъ, нарѣчій и религіозныхъ вѣрованій.

Но нашъ дипломатическій разрывъ съ Турціей и послѣдовавшая за нимъ Крымская война съ цѣлой коалиціей европейскихъ державъ были, къ счастью, не особенно продолжительны и закончились въ мартѣ 1856 года Парижскимъ миромъ. Для неутомимой дѣятельности нашего ученаго изслѣдователя снова открывался такимъ образомъ широкой просторъ въ той же самой богатой христіанскими достопримѣчательностями странѣ, которую нѣсколько лѣтъ назадъ ему пришлось оставить такъ неожиданно. Съ 24 апрѣля 1858 года мы видимъ архимандрита Порфирія снова отправляющимся на Востокъ, столько увлекавшій его своими памятниками, и теперь уже съ специально научнымъ порученіемъ. Онъ долженъ былъ посвятить теперь свое время и свой трудъ собиранію свѣдѣній по церковной археологіи и живописи, описанію утвари восточныхъ церквей, библіотекъ и архивовъ, и установленію болѣе близкихъ и дружественныхъ отношеній съ Коптскимъ духовенствомъ, судьбой котораго онъ успѣлъ заинтересовать рускій православный синодъ еще со времени своей первой въ эти края поѣздки. Въ этой новой своей командировкѣ на разнорѣчный и разноязычный Востокъ, увлекаемый богатствомъ и разнообразіемъ своихъ научныхъ приобрѣтеній и работъ, вмѣсто одного года, какъ это вначалѣ предполагалось, онъ пробылъ болѣе трехъ лѣтъ, до 13 августа 1861 года. За это время имъ посѣщены были Константинополь, св. Аѳонъ, Фессалія, Метеорскіе монастыри, Малая Азія, Сирія, Палестина и нѣкоторыя изъ этихъ мѣстностей, какъ напримѣръ св. Аѳонъ, по два или по три раза. На Аѳонъ по преимуществу влекли его неистощимыя священно-историческія достопримѣчательности, какими такъ богаты эти святые горы.

Нужно ли уже и говорить о томъ, что на пути этихъ научныхъ работъ все, повидимому, благопріятствовало нашему изслѣдователю, все какъ бы само собою шло ему навстрѣчу. На широкомъ пути своихъ научныхъ изысканій онъ собралъ здѣсь и повезъ съ собой въ Россію для дальнѣйшаго обслѣдованія и изученія столько памятниковъ священно-историче-

ской святыни и старины и столько цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи и современному положенію восточныхъ церквей, что для приведенія въ полный порядокъ и для всесторонней научной разработки всѣхъ этихъ сокровищъ мало было цѣлой жизни даже такого неутомимаго дѣятеля, какимъ былъ архимандритъ Порфирій.

Неустаннымъ научнымъ трудамъ по разсмотрѣнію и изученію этихъ памятниковъ посвящены были теперь архимандритомъ Порфиріемъ прежде всего первые три съ половиною года, проведенные имъ въ Петербургѣ на полной свободѣ отъ всякихъ другихъ занятій, которыя могли бы нѣсколько отвлекать его отъ спеціально-научныхъ работъ и ослаблять его вниманіе. Своихъ любимыхъ занятій по изслѣдованію нашей православной святыни и старины онъ никогда не оставлялъ и на своемъ новомъ служебномъ посту, въ санѣ Чигиринскаго епископа, викарія Кіевской метрополіи, въ каковой санъ онъ возведенъ былъ 14-го февраля 1865 года, уже на 61 году своей трудовой жизни. Но еще съ большей свободой и настойчивостью углублялся онъ въ безбрежный океанъ своихъ научныхъ сокровищъ въ послѣднія 7 лѣтъ своей трудовой жизни, въ занимаемой имъ тогда довольно спокойной сравнительно должности настоятеля московскаго Новоспасскаго монастыря и члена московской синодальной конторы. Служебныя занятія по этимъ должностямъ не требовали уже отъ епископа Порфирія ничего другого, какъ только исполнѣ внимательнаго общаго наблюденія за религіозно-нравственнымъ направленіемъ иноческой жизни въ стѣнахъ Новоспасскаго монастыря, столько же общаго наблюденія за состояніемъ его матеріальныхъ средствъ и всегда почти очень непродолжительнаго пребыванія въ стѣнахъ московской синодальной конторы въ немногіе дни и часы общаго засѣданія ея членовъ. Поэтому весь избытокъ своего времени и своихъ выдающихся физическихъ и духовныхъ силъ онъ могъ уже совершенно безпрепятственно отдавать теперь своимъ любимымъ научнымъ занятіямъ.

И, конечно, въ этихъ чисто кабинетныхъ трудахъ епископъ Порфирій находилъ полное для себя удовлетвореніе. Тихій и ничѣмъ невозмутимый покой нисходилъ тогда на всѣ настроенія его души, на всѣ движенія его сердца и приносилъ ему то высокое научное наслажденіе, какое доступно однимъ только умамъ и сердцамъ высокимъ. Когда же наступилъ, наконецъ, послѣдній предѣлъ его жизненнаго пути, епископъ Порфирій, бросая послѣдній уже взглядъ на раскрытыя предъ нимъ со-

кровища науки и знанія, не могъ не найти истиннаго утѣшенія въ спокойномъ сознаніи того, что онъ успѣлъ уже сдѣлать для церкви и родины. На этомъ кроткомъ сознаніи прекрасно выполненнаго имъ въ отношеніи къ своей странѣ долга тихо и навсегда уже приостановилось теперь біеніе его сердца, всегда такого чуткаго ко всему и отзывчиваго. На пробуждавшійся огромный городъ посылало тогда свои первые лучи величественно поднимавшееся надъ нимъ ясное весеннее солнце. Его ласкающій утренній свѣтъ спокойно проникъ въ это время и въ тихую комнату умирающаго епископа, который никогда и ни въ чемъ не любилъ тьмы, но всегда стремился къ солнечному теплу и къ истинному свѣту науки и знанія. Это было утромъ 19 апрѣля 1885 года, въ исходѣ шестого часа.

II.

Передъ отъѣздомъ въ святую землю.

Въ нашу настоящую задачу не входитъ, конечно, общее обслѣдованіе разнообразныхъ научныхъ изысканій и работъ епископа Порфирія Успенскаго. На этотъ разъ мы думаемъ остановить вниманіе нашихъ читателей на тѣхъ лишь чувствахъ и настроеніяхъ, какія пришлось пережить ему въ 1842 и 1843 годахъ сначала въ Петербургѣ, гдѣ онъ провелъ около семи мѣсяцевъ въ ожиданіи окончательныхъ распоряженій по его новому назначенію, а затѣмъ уже и въ самомъ пути отъ Петербурга до Іерусалима, когда наступило уже время для фактическаго выполненія имъ того очень важнаго и отвѣтственнаго дѣла, какимъ навсегда уже опредѣлялся теперь весь послѣдующій характеръ его ученой и практической дѣятельности.

Въ своемъ мѣстѣ мы имѣли уже случай упомянуть о томъ, какъ интересовался архимандритъ Порфирій своей научно-служебной поѣздкой на нашъ ближайшій Востокъ, покрытый такими дорогами для каждаго вѣрующаго воспоминаніями, какъ чутко онъ любилъ природу съ ея дивно величественной красотой и неистощимымъ разнообразіемъ и какъ, наконецъ, неудержимо порывался къ тому, чтобы какъ можно чаще находиться подъ ея чарующимъ обаяніемъ. Любилъ онъ также непосредственно обращаться и съ людьми, богатыми широкимъ практическимъ опытомъ, умѣлъ говорить съ ними и приводить ихъ въ такое настроеніе, въ которомъ они съ полною довѣрчивостью раскрывали предъ нимъ все то, что могло живо интересовать

архимандрита Порфирія и быть существенно полезнымъ для его дѣла. Но еще болѣе волновали и влекли къ себѣ архимандрита Порфирія памятники святой христіанской старины: восточные древніе храмы, монастыри, историческіе памятники, старыя рукописныя на древнихъ языкахъ книги, иконы стараго письма и т. п.

И вотъ теперь, на своемъ новомъ служебномъ пути, архимандритъ Порфирій могъ уже совершенно свободно и широко отдаваться тому, что по преимуществу согласовалось съ этими лучшими его душевными чертами и склонностями. Это вносило въ общее настроеніе его души, и безъ того уже всегда и на все очень отзывчивой и бодрой, какое-то особенно ободряющее оживленіе и какъ будто удваивало его силы. Онъ сдѣлался теперь еще болѣе чуткимъ и отзывчивымъ на все, съ чѣмъ сталкивала его жизнь, къ чему онъ теперь прикасался. Многіе предметы получали теперь для него совершенно новое уже значеніе и казались ему освѣщенными какъ бы совершенно другимъ уже свѣтомъ. Переполненная чувствомъ полного удовлетворенія, душа его во все вносила частицу своего собственнаго настроенія, своихъ чувствъ, своихъ желаній. Особенную же, повидимому, чуткость онъ обнаруживалъ въ это время въ пониманіи людей, съ которыми ему приходилось сталкиваться, и въ наслажденіи красотами природы, вызывавшими въ его душѣ, какъ это было, между прочимъ, на живописныхъ берегахъ Босфора, такія чудныя отзвучія и такіе нѣжные тона и краски. Глубоко развитое чувство къ живой природѣ архимандритъ Порфирій успѣлъ обнаружить еще на живописныхъ берегахъ Далмаціи, поразившихъ его своей грандіозной красотой и вызвавшихъ въ его душѣ необыкновенно яркія краски и тона для вдохновенно художественнаго ихъ описанія. Но теперь, на роскошныхъ берегахъ Босфора и въ совершенно другомъ уже настроеніи, онъ еще глубже подпадалъ подъ обаяніе той чарующей красоты и еще глубже ею наслаждался. Впослѣдствіи очень плѣняли его также и величественные Ливанъ и Антиливанъ. Но отъ этихъ горныхъ высотъ вниманіе архимандрита Порфирія невольно уже отвлекалось тогда къ прямымъ задачамъ и цѣлямъ его служебнаго пути, и потому эти гордыя горныя твердыни остались описанными имъ какъ бы уже вскользь, кистью гораздо болѣе нерѣшительной и блѣдной.

Чтобы хоть нѣсколько раскрыть внутренній міръ души нашего ученаго-ислѣдователя именно въ этотъ переходный періодъ его жизни и сохранить по возможности всѣ малѣйшіе

оттѣнки въ его чувствахъ, взглядахъ и понятіяхъ, мы не находимъ ничего лучшаго, какъ обратиться къ подлиннымъ словамъ прекрасной „Книги его бытія“, въ которой то съ полной добросовѣстностью обсуждающаго факты историка, то съ роскошными цвѣтами и красками вдохновеннаго художника-поэта, такъ прекрасно воспроизведено все то, что пришлось пережить и почувствовать архимандриту Порфирію сначала въ дни нетерпѣливаго ожиданія имъ поѣздки на Востокъ, а затѣмъ и въ первые мѣсяцы пути къ новому мѣсту своего назначенія. Это было въ періодъ времени съ 11 октября 1842 года по 20 декабря 1843 года.

Первое необыкновенно искреннее и глубоко трогательное чувство, какое пришлось пережить архимандриту Порфирію по пріѣздѣ его изъ Вѣны въ Петербургъ, вызвано было въ немъ кончиной петербургскаго митрополита Серафима, котораго, по видимому, очень хорошо зналъ архимандритъ Порфирій и къ которому относился почти съ благоговѣніемъ. Вотъ, что отмѣтилъ онъ въ знаменитой „Книгѣ своего бытія“ объ этомъ истинно добромъ пастырѣ.

„Въ семнадцатый день января настоящаго лѣта Господня (1843 года) православная церковь россійская лишилась знаменитаго первосвятителя своего, преосвященнаго митрополита Серафима. Тихо уклонилось отъ взоровъ нашихъ такъ долго озарявшее насъ свѣтило и скрылось въ непроницаемыхъ безднахъ свѣта невечерняго. Но какъ по закатѣ солнца долго еще остается на небосклонѣ его отсвѣтъ, такъ по удаленіи отъ насъ богоподобной, свѣтлой души Серафима еще долго пребывало въ храмѣ Господнемъ освященное таинственно тѣло его. Семь дней явлено было оно сѣтующимъ чадамъ церкви православной въ знаменіе и наученіе, что смерть христіанъ есть не что иное, какъ тихій и безмятежный сонъ, отъ котораго при кончинѣ міра возбудитъ ихъ труба архангела. Во всѣ эти дни семь архіереевъ поочередно приносили Богу безкровную примирительную жертву о спасеніи души усопшаго собрата и сотрудника въ вертоградѣ Христовомъ и въ шесть часовъ пополудни совершали панихиды. Во всѣ эти дни у гроба служителя Слова непрерывно слышалось чтеніе Божія Слова. Во всѣ эти дни осиротѣвшая паства необозримыми волнами стекалась въ Александро-Невскую лавру отдать послѣдній долгъ архипастырю и вознести теплыя молитвы о немъ къ престолу Пастыреначальника Господа Іисуса Христа“.

Въ воскресенье 24 января онъ погребенъ былъ въ церкви Сошествія Св. Духа, подлѣ царскихъ вратъ, подъ храмовымъ ея образомъ.

„И такъ, скрылся отъ насъ на вѣки возлюбленный архипастырь нашъ. Пока проходилъ онъ земное поприще, вѣра, подобно горнему лучу, освѣщала стези его жизни и онъ, не смежая очей своихъ, бодренно шелъ по указаніямъ сего путеводнаго свѣта и вдругъ вступилъ въ область вѣдѣнія. Сердце его непрерывно горѣло любовію къ Богу, царю, отечеству и ко всѣмъ ближнимъ; и онъ воспарилъ на небо на крыліяхъ смиренія, милосердія, молитвы. Внутренній человекъ его, какъ фениксъ, возрождался и возросталъ во время оскудѣванія человека внѣшняго, и надъ прахомъ его вознесся въ горнія обители, гдѣ онъ будетъ восходить отъ вѣдѣнія къ вѣдѣнію, отъ блаженства къ блаженству, наслаждаясь лицезрѣніемъ Господа Іисуса и общеніемъ съ сонмами духовъ, достигшихъ совершенства“.

„Вѣчная память тебѣ, твердый подвижникъ вѣры православной, неуклонный блюститель Господней истины въ словесномъ стадѣ Христовомъ. Отечественная церковь, вознося теплая о тебѣ молитвы къ Небесному Подвигоположнику добрыхъ пастырей, на вѣки сохранить глубокоблагодарное воспоминаніе о твоихъ незабвенныхъ заслугахъ“.

Совершенно другія уже чувства и настроенія приходилось испытывать въ это время архимандриту Порфирію въ болѣе дѣловомъ или такъ называемомъ „официальномъ Петербургѣ“. Здѣсь его пытливая и прямая душа не всегда уже и не во всѣхъ находила для себя вполне отзывчивый на все доброе привѣтъ и то нравственное удовлетвореніе, какого она всегда, кажется, и во всемъ искала.

Тѣмъ не менѣе, всѣ предварительные переговоры его съ директоромъ азіатскаго департамента, Синявинымъ, о задачахъ и цѣляхъ своей первой поѣздки на Востокъ не вносили никакихъ почти волненій и тревогъ въ его общія очень повышенныя въ это время чувства и настроенія. Къ Синявину гораздо чаще, чѣмъ къ какому-либо другому должностному лицу, долженъ былъ обращаться въ это время архимандритъ Порфирій и всегда находилъ здѣсь если уже и не отзывчиво живое и теплое участіе въ своемъ дѣлѣ, то, по крайней мѣрѣ, всегда ясный и опредѣленный отвѣтъ на тѣ вопросы и недоумѣнія, обсужденіе и разрѣшеніе которыхъ было теперь для архиман-

дрита Порфирія такъ необходимо. Отъ директора департамента Синявина архимандритомъ Порфиріемъ получено было, между прочимъ, и очень важное для его будущей миссіи сообщеніе о томъ, какъ относились и продолжали относиться восточные патріархи къ управленію принадлежащими имъ имѣніями въ придунайскихъ княжествахъ, Молдавіи и Валахіи.

„Съ давнихъ временъ, говорилъ, между прочимъ, Синявинъ, патріархи и разные монастыри православные владѣютъ богатыми имѣніями въ Молдавіи и Валахіи. Эти имѣнія достались имъ по духовнымъ завѣщаніямъ тамошнихъ господарей и бояръ. По волѣ завѣщателей восточные отцы обязаны были доходами съ имѣній своихъ устроить и содержать въ помѣстьяхъ своихъ церкви, богоугодныя заведенія, училища и остальную часть прибитковъ употреблять на свои нужды. Но эта воля никогда не была выполнена ими въ точности. Почти всѣ доходы съ имѣній переходили въ руки патріарховъ, монастырей и ихъ управителей, и благотворительная цѣль завѣщателей не достигалась. По окончаніи послѣдней турецкой войны, по трактату адрианопольскому, Государь Императоръ предпринялъ и сдѣлалъ разныя преобразованія въ обоихъ княжествахъ. Между прочими улучшеніями постановлено было ввести законный порядокъ управленія церковными имѣніями сообразно съ волею завѣщателей оныхъ. Патріархамъ предложено было отдавать сіи имѣнья въ аренду съ публичныхъ торговъ, дабы привести въ извѣстность доходы, какіе могутъ быть получаемы съ нихъ и треть ихъ употреблять на устроеніе училищъ и богоугодныхъ заведеній, половину (?) на церкви и причтъ въ самыхъ имѣніяхъ, а остальную треть предоставить владѣльцамъ. Восточные отцы недовольны были этимъ предложеніемъ. Такъ какъ срокъ новаго управленія имѣніями ихъ назначенъ былъ съ 1832 года, то они, показавъ огромные долги свои, накопившіеся по разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ, просили отсрочки и неограниченнаго права пользоваться всѣми доходами съ имѣній для уплаты долговъ. Изъ уваженія къ ихъ ходатайству и нуждамъ отсрочка была дана имъ на два года и потомъ, по новой просьбѣ ихъ, еще на 10 лѣтъ до 1844 года. Кажется, промолвилъ Синявинъ, это дѣло никогда не кончится, Патріархи медлятъ, хитрятъ, жалуются, а въ существѣ боятся обнаруженія количества доходовъ. Ибо тогда уже совѣстно имъ будетъ нищенствовать. И такъ, будьте осторожны въ обращеніи съ ними и не довѣряйте всѣмъ жалобамъ ихъ. Жадныхъ людей ничѣмъ не насытишь“!

Затѣмъ директоромъ азіатскаго департамента даны были архимандриту Порфирію уже совершенно прямыя и точныя указанія на основныя задачи и цѣли возлагаемой на него миссіи, а также и на существенно обязательный для него образъ дѣйствій на пути къ достиженію этихъ задачъ и цѣлей. При этомъ съ особенной настоятельностью предлагалось архимандриту Порфирію соблюдать во все время его разъѣздовъ по Востоку, между прочимъ, слѣдующее:

1. Всегда строго и точно исполнять всѣ обязанности поклонника.

2. Не окружать себя никакою тайнственностью, но и ничѣмъ не выказывать того, что онъ посланъ правительствомъ.

3. Стараться приобрѣсти довѣріе и любовь восточнаго духовенства и, пользуясь его расположеніемъ, узнавать постепенно настоящія потребности православной церкви въ Палестинѣ и духъ, усилія, средства, успѣхи или неудачи тамошнихъ католиковъ, армянъ и протестантовъ.

4. Ни въ какомъ случаѣ не дѣлать тамъ какихъ-либо распоряженій. Нужно только собрать вѣрныя свѣдѣнія о состояніи палестинской церкви и на мѣстѣ обсудить, какія мѣры надлежитъ принять для поддержанія и благосостоянія ея.

5. Отчетъ о ней написать уже въ Константинополѣ, по возвращеніи изъ Іерусалима, и представить его посланнику, который отъ себя уже препроводитъ этотъ отчетъ въ Петербургъ при своемъ мнѣніи. Можно, конечно, показать ему предварительно черновой отчетъ и переговорить съ нимъ о тѣхъ предметахъ, о которыхъ онъ будетъ судить иначе. Ему лучше извѣстны церковныя и политическія дѣла въ Турціи, и потому его сужденія могутъ послужить повѣркой другихъ мнѣній.

„Однако же, прибавилъ въ заключеніе своей рѣчи директоръ Снявинъ, обращаясь къ архимандриту Порфирію, мы не стѣсняемъ васъ. Можете писать отчетъ, какъ вамъ угодно, на основаніи своихъ наблюденій. И такъ, все существенное вамъ сказано“.

Менѣе благопріятны во всѣхъ отношеніяхъ и, къ сожалѣнію, едва-ли даже и болѣе производительны были для архимандрита Порфирія его должностныя представленія къ оберъ-прокурору Св. Синода, графу Протасову, хотя поручаемая теперь архимандриту Порфирію миссія никого не касалась такъ близко, какъ Св. Синода и его ближайшаго представителя предъ лицомъ верховной власти. Особенно тяжелъ былъ для архимандрита Порфирія въ служебномъ и чисто нравственномъ отношеніи его

второй разговоръ съ этимъ высокопоставленнымъ лицомъ, располагавшимъ такими обширными полномочіями въ предѣлахъ своего вѣдомства. И дѣйствительно, если бы хоть нѣсколько измѣнилъ архимандриту Порфирію въ это время его общій служебный тактъ, довольно хорошо выдержанный, то все начатое теперь дѣло по отправленію его на Востокъ могло бы или перейти въ другія руки, къ менѣе способному и дѣятельному исполнителю, или даже и совсѣмъ пріостановиться.

И нужно же было случиться тому, что именно въ это время (28 марта 1843 года) между 5 и 8 часами вечера, какой-то дерзкій негодяй обокралъ архимандрита Порфирія и его служителя. У самого Порфирія онъ унесъ 1.700 рублей ассигнаціями, всѣ кресты, ордена и все столовое и чайное серебро, а у служителя—большую часть лучшей его одежды. Архимандритъ Порфирій, при столько свойственной ему нестяжательности, отнесся къ этому сравнительно очень спокойно и больше всего жалѣлъ лишь о похищенной у него воровъ книжкѣ, въ которой записаны были имъ для памяти статистическія свѣдѣнія о настоящемъ состояніи Палестины и Сиріи, а также внесены были туда и нѣкоторыя научныя замѣтки о Крымѣ. Мало этого! По поводу своей покражи онъ даже шутилъ надъ грубой простотой воровъ, которые, по невѣжеству своему, совершенно не знаютъ настоящей цѣны похищаемыхъ ими предметовъ и захватываютъ съ собой часто то, въ чемъ совершенно не нуждаются. „Видно, что и мой воръ, читаемъ мы въ дневникѣ архимандрита Порфирія, былъ человекъ неученый, иначе онъ оставилъ бы мнѣ эту книжку, зная, что она дороже мнѣ тѣхъ денегъ, кои хранились въ ней. Не худо было бы внушить всѣмъ ворами, чтобы они не похищали у ученыхъ монаховъ ихъ книгъ и рукописей, а брали бы однѣ деньги, кои не такъ нужны имъ“.

Такъ простодушно отнесся архимандритъ Порфирій къ произведенной у него покражѣ денегъ, вещей и разныхъ ученыхъ замѣтокъ, хотя одна уже матеріальная цѣнность всѣхъ этихъ предметовъ была для него очень значительна. Но въ Петербургѣ, какъ увидимъ послѣ, даже и этотъ случай, возможный въ жизни каждаго, поставленъ былъ ему въ очень большую вину, какъ человекъ, будто бы, разсѣянному, беззаботному, не умѣющему хорошо охранять даже своей небольшой собственности. Это высказано было архимандриту Порфирію въ довольно рѣзкихъ словахъ во второе представленіе его къ синодальному оберъ-прокурору, графу Протасову, и затѣмъ, повидимому, безъ

всякаго измѣненія, слово въ слово, внесено было архимандритомъ Порфиріемъ и въ его дневной журналъ, подъ 18 числомъ мая мѣсяца 1843 года. Приводимъ все это здѣсь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ изложенъ этотъ интересный матеріалъ самимъ архимандритомъ Порфиріемъ „въ книгѣ бытія его“, на страницахъ 119, 130—133.

4 мая 1843 года, пишетъ онъ, я былъ у оберъ-прокурора Св. Синода и между прочимъ просилъ его сказать мнѣ, какъ должно отвѣтить Константинопольскому патріарху, если онъ спроситъ меня о мнѣніи нашего Синода или нашихъ богослововъ касательно законности или незаконности Синода аѳинскаго. Графъ отвѣчалъ: „поговорите объ этомъ съ посланникомъ нашимъ при Портѣ Оттоманской, г. Титовымъ“. Я удивился такому отвѣту его и невольно возразилъ ему, что это дѣло не Титова, а Св. Синода. Тогда онъ сказалъ мнѣ, что это дѣло не Синода, а Государя и что Константинопольская миссія наша должна знать и, безъ сомнѣнія, знаетъ мысли Его Величества объ этомъ предметѣ. „Впрочемъ, присовокупилъ онъ, какъ бы обдумавшись,—Вы можете сказать патріарху, что російскій Синодъ и всѣ прочія іерархіи наши думаютъ объ аѳинскомъ Синодѣ такъ же, какъ думаетъ его святѣйшество“.

Въ другой разъ, именно 18 мая, оберъ-прокуроръ Синода принялъ меня, повидимому, ласково; но въ глубинѣ души его таился огонь, который едва не спалилъ меня. Записываю разговоръ съ нимъ.

— Ваше сіятельство! въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ даны мнѣ всѣ предварительныя свѣдѣнія и словесныя наставленія о занятіяхъ моихъ въ Палестинѣ. Тамъ я получилъ и деньги, Высочайше пожалованныя мнѣ на проѣздъ и путевое содержаніе до Іерусалима. А изъ вашей канцеляріи прислана мнѣ подорожная до Одессы. Остается...—Что остается? — прервалъ меня графъ. Поѣзжайте! Пора!

— Остается получить изъ Св. Синода увольненіе въ Турцію, дорожный билетъ и часть жалованья за январскую треть сего года.

— Что-жь? Были вы у Войцеховича? Говорили ему, чтобы онъ изготовилъ вамъ всѣ бумаги, нужныя къ отъѣзду?

— Былъ неоднократно, но не заставлялъ его дома.

— Видно, вы не умѣете хлопотать о себѣ и о дѣлахъ. Въ домѣ васъ обокрали; что, если еще ограбятъ васъ въ дорогѣ? Дѣло ваше оканчивается такъ медленно!

Эти несправедливые упреки и гнѣвный тонъ, какимъ они произнесены были, взволновали меня. Но я сохранилъ присут-

ствіе духа и отвѣчалъ графу спокойно и быстро: ваше сіятельство! Семь мѣсяцевъ слишкомъ я живу здѣсь, ожидая рѣшенія дѣла о мнѣ; немедленно являюсь туда, куда зовутъ меня по службѣ, а безвременной докукою не смѣю беспокоить тѣхъ, которые не приглашаютъ меня; не смѣю отвлекать ихъ отъ занятій. Не самъ я выпросилъ себѣ настоящее порученіе; такъ и думалъ, что не самому мнѣ надлежитъ ускорять ходъ дѣла, которое нимало не зависитъ отъ моей воли. Приказывайте мнѣ, что угодно; я исполню ваши приказанія, потому что чувствую въ себѣ избытокъ силъ, потребныхъ для полезной службы. Но виноватъ ли я, что не могу застать дома г. Войцеховича? Виноватъ ли я, что меня обокрали? Въ синодальномъ подворьѣ, гдѣ мнѣ дана келья, открыты три выхода и ни одинъ изъ нихъ не охраняется. Есть сторожа, но они служатъ чиновникамъ синодскимъ и работаютъ для хозяевъ сосѣдняго дома. Послѣ этого, удивительно ли, что меня обокрали среди бѣлаго дня? Виноватъ не я, а секретарь Синода, Колеровъ, которому поручено смотрѣніе за подворьемъ. Не меня перваго тамъ обворовывали; было много покражъ; я слышалъ, что изъ тамошней церкви пропадали иконы. Отъ васъ скрывали это зло; а я рѣшился подать объявленіе о пропажѣ моихъ денегъ и вещей, дабы приняты были мѣры къ охраненію подворья. Тяжело мнѣ отъ того, что я обвиненъ предъ вашимъ сіятельствомъ въ неосторожности и, быть можетъ, въ чемъ-либо другомъ. Не легко мнѣ жить и безъ денегъ. Хожу въ Синодъ за жалованьемъ; тамъ мнѣ говорятъ: „идите въ канцелярію его сіятельства“. Иду въ вашу канцелярію; тамъ мнѣ отвѣчаютъ: „нельзя дать вамъ деньги, васъ обокрадутъ; вы получите ихъ предъ самымъ отъѣздомъ“. Послѣ сего я не знаю, что дѣлать?

— Вы не знаете, что дѣлать? быстро возразилъ графъ, разгнѣванный моей отвѣдью, и придвинулся ко мнѣ весьма близко. Вы, какъ я вижу, неохотно принимаете возлагаемое на васъ порученіе. Это дурно. Безъ любви, безъ жара, безъ усилій, безъ самоотверженія, никто не достигаетъ своихъ цѣлей. Скажите мнѣ рѣшительно: хотите вы вѣхать или нѣтъ? Сейчасъ я отправляюсь къ Государю Императору и доложу ему, что вы отказываетесь отъ порученія. На мѣсто ваше найду другого. Говорите сейчасъ, сію минуту“.

При такомъ неожиданномъ напорѣ я поблѣднѣлъ, но сохранилъ полное присутствіе духа и уже спокойно отвѣчалъ графу:

— Я въ вашей власти. Если вамъ угодно послать меня въ Иерусалимъ, я поѣду туда съ величайшею охотою. Мнѣ отрадно

исполнить возлагаемое на меня порученіе и вмѣстѣ удовлетворить давней потребности души моей. Еще въ Вѣну я поѣхалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы по прошествіи трехъ или четырехъ лѣтъ на службѣ при тамошнемъ посольствѣ отправиться въ Іерусалимъ на поклоненіе гробу Господню. И вотъ, Провидѣніе Божіе устроило обстоятельства моей жизни такъ, что сочетало объѣтъ мой съ порученіемъ правительства. Покоряюсь волѣ Господней, благоговѣя передъ нею. Но, можетъ быть, я сдѣлался недостойнымъ орудіемъ власти. И такъ, поступайте со мною, какъ хотите. Но все-таки, по истеченіи нѣкотораго времени, я буду просить у васъ позволенія съѣздить въ Іерусалимъ, куда влекутъ меня сердце и наука.

Графъ немного успокоился. Догадываюсь, что частію рѣчь моя, частію представившееся ему затрудненіе замѣнить меня и снова начать дѣло предъ Государемъ, которому давно я былъ поставленъ на видъ, удержали его въ границахъ благоразумія. Однако не вдругъ утихло въ немъ волненіе душевное. Снова слышались непріятныя рѣчи.

— Я замѣчаю, сказалъ онъ, что многіе изъ васъ неблагодарны и всегда недовольны. Впрочемъ, есть и признательные между вами. Теперь я скажу вамъ всю правду. Вы удивили Синодъ своею просьбою о выдачѣ вамъ денегъ въ уплату вашихъ долговъ въ Вѣнѣ. Неслыханное дѣло! Архимандритъ въ долгахъ и отъ того не можетъ выѣхать изъ-за границы! Но и въ этомъ случаѣ оказана вамъ милость. Никто изъ духовныхъ, даже изъ архіереевъ, не стоитъ такъ дорого правительству, какъ вы. Знаете ли? На дняхъ мы хотѣли лишить васъ жалованья, и произвести его уже со дня отправленія вашего изъ Одессы, а до той поры приписать васъ къ Херсонскому архіерейскому дому (морозъ подралъ меня по кожѣ), но передумали и оказали вамъ снисхожденіе. А вы осмѣливаетесь жаловаться. Будьте довольны и благодарны, и, какъ говорятъ итальянцы, *con amore* принимайтесь за дѣло.

Послѣ сего графъ всталъ и пошелъ; но я удержалъ его и сказалъ: „извините, ваше сіятельство, невольный порывъ мой. Жалоба моя не есть отголосокъ неблагодарности или недовольства. Нѣтъ, она есть нечаянное волненіе души человѣка, который все имѣетъ по праву, но по обстоятельствамъ долго не получаетъ своего на дѣлѣ. Богъ видитъ глубь сердца моего, и Ему извѣстно, какъ я признателенъ вашему сіятельству. Вы мой благодѣтель. Вы дали мнѣ отдыхъ, уволивъ меня на время отъ профессорской должности въ Херсонской семинаріи съ со-

храненіемъ жалованья; по вашему ходатайству я опредѣленъ былъ въ Вѣну, гдѣ укрѣпились мои силы; по вашей милости я получилъ 500 рублей для уплаты долга моего за книги; вы назначили меня въ Іерусалимъ“.

— Благодарите Бога за все. Христосъ съ вами! Поѣзжайте къ Войцеховичу и Сербиновичу и скажите имъ отъ моего имени, чтобы они изготовили всѣ нужныя бумаги и выдали вамъ жалованье. Побывайте у меня въ день вашего отъѣзда.

Я откланялся графу и поѣхалъ къ книгоціямъ его.

Въ этомъ довольно большомъ извлеченіи, приведенномъ нами изъ „Дневника“ архимандрита Порфирія слово въ слово, особенно хорошо схвачено и передано то душевное настроеніе, въ какомъ находились въ моментъ разговора оба участвовавшія въ немъ лица—и получавшій разныя замѣчанія и упреки архимандритъ Порфирій, и дававшій ихъ съ такимъ возбужденнымъ волненіемъ оберъ-прокуроръ Синода, графъ Протасовъ. Можетъ быть, нѣсколько неостороженъ былъ въ словахъ во время этого разговора и самъ архимандритъ Порфирій. Но все же нельзя не признать и того, что слишкомъ несдержанный тонъ, въ который такъ часто переходилъ высшій представитель синодальной власти, нисколько не соответствовалъ ни взаимному положенію участвовавшихъ въ этомъ разговорѣ лицъ, ни важности принятаго на себя архимандритомъ Порфиріемъ дѣла, подлежавшаго, несомнѣнно, болѣе дѣловому и болѣе спокойному обсужденію, ни тому крайне неудобному времени, въ какое все это происходило. Архимандритъ Порфирій проводилъ теперь въ Петербургѣ послѣдніе уже свои дни и потому, естественно, могъ ожидать отъ представителя высшей духовной власти совершенно другихъ уже указаній, рѣчей и истинно благожелательныхъ на все и добрыхъ совѣтовъ.

Простившись съ графомъ Протасовымъ, архимандритъ Порфирій въ тотъ же самый день (18 мая) пожелалъ проститься предъ своимъ отъѣздомъ на Востокъ и съ нѣкоторыми жившими въ Петербургѣ владыками и прежде всего съ состоявшимъ здѣсь на очереди въ составѣ членовъ Синода, преосвященнымъ Іосифомъ Семашко. Вотъ что пишетъ объ этомъ прощаніи въ своемъ „Дневникѣ“ всегда столько проникательный въ пониманіи и оцѣнкѣ людей архимандритъ Порфирій.

Преосвященнаго Іосифа Семашко я не засталъ дома. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга для обозрѣнія епархій: Витебской, Могилевской и Минской по Высочайшему повелѣнію. Присутствующій въ Синодѣ олонецкій архіепископъ Венедиктъ пого-

ворилъ со мною только о покражѣ моихъ денегъ и вещей. Полтавскій епископъ Гедеонъ, недавно вызванный въ Синодъ для присутствія, разспрашивалъ меня о Вѣнѣ, о православныхъ христіанахъ въ Венгріи и высказалъ свои бѣдныя понятія о Сиріи, Палестинѣ и бедуинахъ. Прощаясь со мною, онъ просилъ меня помолиться о немъ у гроба Господня, но просилъ съ усмѣшкою. Такое легкомысліе его удивило меня. Преосвященный Никаноръ, архіепископъ Варшавскій и членъ Синода, совѣтовалъ мнѣ составить подробное и вѣрное описаніе Палестины и издать его съ картинками. Я говорилъ ему о приготовленіяхъ своихъ къ ученому путешествію по Востоку, объ уменьшеніи числа епархій, подвѣдомыхъ патріаршимъ престоламъ, о долгахъ казны гроба Господня и кратко рассказалъ исторію уніи въ Сиріи. Преосвященный поджидалъ къ себѣ членовъ тайнаго комитета, учрежденнаго по случаю выпуска литографированной библіи, переведенной протоіереемъ Павскимъ, и я поспѣшилъ принять его благословеніе на путь дальній и на дѣланіе многотрудное“.

Въ Александро-Невской лаврѣ преосвященный Іустинъ (викарій) тоже пожелалъ мнѣ благополучнаго пути и счастливаго окончанія моихъ дѣлъ, а митрополитъ Антоній, послѣ разспросовъ о пропажѣ моихъ денегъ и вещей, предлагалъ мнѣ денежное пособіе; но я отклонилъ его милость и просилъ позволенія писать къ нему въ важныхъ случаяхъ.

— „Пишите чаще, сказалъ владыко, мнѣ отмѣнно пріятно будетъ получать ваши письма. Призываю на васъ благословеніе Божіе“! Произнося послѣднія слова, онъ осѣнилъ меня крестнымъ знаменіемъ весьма истово. Я поклонился ему до лица земли“.

„Странно, замѣчаетъ при этомъ архимандритъ Порфирій, что ни одинъ архіерей не послалъ со мною милостыню бѣдной церкви палестинской, а еще страннѣе то, что никто изъ нихъ не вспомнилъ о православныхъ патріархахъ. Не извиняю этой холодности владыкъ нашихъ. Сердце мое скорбитъ о духовномъ разъединеніи Сѣвера и Востока. О Господи! не лиши меня благословенія Твоего на предстоящемъ мнѣ поприщѣ ради нѣкоторыхъ пастырей, не разумѣющихъ широты любви Твоей“.

Къ этимъ немногимъ словамъ, бросающимъ нѣсколько неожиданное освѣщеніе на общее настроеніе нѣкоторыхъ епископовъ русской церкви и въ частности на ихъ отношеніе къ положенію православія въ Святой землѣ, неизлишне будетъ присовокупить, для полноты характеристики, также и то, что

отмѣчено было архимандритомъ Порфириемъ въ „книгѣ его бытія“ еще подъ 17 декабря 1842 года, ровно за пять мѣсяцевъ до наступленія этихъ послѣднихъ дней пребыванія его въ Петербургѣ. Тогда нашему ученому изслѣдователю удалось въ счастливый часъ посѣтить архіепископа Рязанскаго Гавріила Городкова и, повидимому, довольно долго говорить съ нимъ объ общемъ положеніи дѣлъ въ нашей русской церкви. И вотъ, между прочимъ, это немногое, что сказалъ тогда архимандриту Порфирию этотъ русскій епископъ:

„Когда умеръ главный епископъ всѣхъ католическихъ церквей въ Россіи, Павловскій, то Государь Императоръ приказалъ всѣмъ членамъ и присутствующимъ Синода отдать послѣдній долгъ усопшему. Они исполнили волю Государя, но въ домѣ Павловскаго были не всѣ вмѣстѣ, а порознь. „Дѣлать нечего“, прибавилъ преосвященный, надлежало идти хоть и къ еретику ¹⁾. Тотъ же преосвященный говорилъ архимандриту Порфирию, что „Синоду не пришло бы и въ голову обращать уніатовъ въ православіе, если бы Государь Императоръ не приказалъ это сдѣлать. Рече и бысть!

Эти мысли и сужденія, повидимому, глубоко затронули тогда архимандрита Порфирія и взволновали, хотя онъ удержалъ это чувство въ самомъ себѣ и ни слова не сказалъ о немъ въ своихъ дневныхъ замѣткахъ.

А. Красевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ отпѣваніи они не участвовали и не были въ католической церкви.